

научно-практический журнал
издается с января 1994
индекс 750282 (для РБ и СНГ)

ФИНАНСЫ

УЧЕТ
АУДИТ

№ 7 (150) ИЮЛЬ 2006

УЧРЕДИТЕЛИ

Министерство финансов
Республики Беларусь

Белорусский
государственный
экономический
университет

Белорусский
государственный
университет

Белорусское
республиканское
унитарное страховое
предприятие
«Белгосстрах»

Главный редактор
Олег ВЕНГЕРЕНКО

Адрес:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ФИНАНСЫ, УЧЕТ, АУДИТ»,
ул. Кропоткина, 44 (оф. 901, 907),
220002, г. Минск, Беларусь.
Тел: (017) 234-21-45, 234-20-45.

Адрес в Интернете:
<http://ncpi.gov.by/minfin/>

Электронная почта:
fua@tut.by

Свидетельство о регистрации №562.

Лицензия на распространение
правовой информации № 000115
от 27.12.02 г.

© Финансы, учет, аудит. 2006.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.П. КОРБУТ	министр финансов РБ
В.Е. ВАНКЕВИЧ	начальник управления методологии бухучета и отчетности Минфина РБ
М.М. КОВАЛЕВ	декан экономического факультета БГУ, профессор
А.М. КУРЬЛЫПО	заместитель министра финансов РБ, кандидат экономических наук
Г.Е. КОБРИНСКИЙ	доктор экономических наук, профессор
П.Г. НИКИТЕНКО	директор Института экономики, академик НАН Беларуси, шеф-редактор, научный консультант журнала
Д.А. ПАНКОВ	доктор экономических наук, профессор
П.Я. ПАПКОВСКАЯ	доктор экономических наук, профессор
А.И. СВЕРЖ	первый заместитель министра финансов РБ
Т.В. СОРОКИНА	доктор экономических наук, профессор
А.Н. СУШКЕВИЧ	председатель Белорусской ассоциации бухгалтеров, кандидат экономических наук
В.И. ШУСТ	генеральный директор БРУСП «Белгосстрах»

РЕДАКЦИЯ

Светлана ТЕРЕХОВИЧ	заместитель главного редактора
Владимир БАЦКАЛЕВИЧ	редактор отдела
Олег АНАНИЧ	редактор отдела
Светлана ПОТАПОВИЧ	корректор
Павел ИВАНОВ	компьютерная верстка, дизайн
Клара ГРИШАЕВА	компьютерный набор

Подписано в печать 10/07/2006 г. Формат 60x90 1/8, 11,2. уч-изд л. Печать офсетная. Тираж 1900 экз. Заказ № 1293.
Отпечатано с готовых диалозитивов заказчика в типографии РУП «Минсктиппроект» 220123, г. Минск, ул. Веры Хоружей, 13/61.
Материалы журнала публикуются на русском и белорусском языках в зависимости от языка авторского оригинала.
Перепечатка материалов без согласия редакции запрещена.
Материалы со знаком ▲ носят рекламный характер.

УПРАВЛЯЕМЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС. МОНЕТАРНЫЕ ФАКТОРЫ

Валерий БАЙНЕВ,

доктор экономических наук,
профессор кафедры
менеджмента БГУ

Из теории рыночного капитализма, безоговорочно доминирующей на планете с конца прошлого столетия, хорошо известно, что главной целью конкурентной борьбы, в конечном счете, является победа над конкурентами в форме их уничтожения или поглощения. Поэтому нет ничего особенного в том, что в условиях глобализации (распространения рыночно-капиталистических принципов хозяйствования на весь мир), когда в качестве конкурентов выступают уже страны и их блоки, глобальная конкуренция связана с разрушением (СССР, Югославия) или поглощением в форме неокolonизации (Ирак, Афганистан) целых стран. Поскольку морально-этические факторы (совесть, честь, сострадание и т. д.) не являются экономическими категориями и в теории рыночного капитализма не изучаются, то глобальная конкуренция может вестись и ведется в любых не стесненных правилами приличия формах. Двойные стандарты, промышленный шпионаж, подрывная деятельность через активное финансирование «пятой колонны», рыночная идеологическая агрессия, прямая военная оккупация стран «второго» и «третьего» мира – вот далеко не полный перечень средств, которыми активно пользуются лидеры мировой экономики для сохранения своего лидирующего положения и упрочения глобального господства.

К сожалению, приходится признать, что у новых планетарных гегемонов, имеющих сегодня колоссальные финансовые возможности и воен-

К сожалению, человечество вступило в третье тысячелетие в условиях беспрецедентного обострения конкуренции народов, стран и их блоков за рынки сбыта и ограниченные, быстро истощающиеся природные ресурсы. При этом особую угрозу устойчивому развитию цивилизации представляет объективное и неизбежное перерастание указанной конкуренции в вооруженную борьбу, поскольку «освободительно-демократические» войны последнего времени (ирако-кувейтская, американо-иракская, чеченская и т. д.) чаще всего ведутся вокруг нефтяных вышек и имеют явно углеводородный «запах».

ную мощь, нет иного выхода. Западная рыночно-потребительская цивилизация, экономическая «эффективность» которой основана на том, что 20% ее населения обеспечили себе высочайший уровень потребления за счет расходования 80% всех добываемых человечеством природных ресурсов, просто вынуждена прибегать к внешней экспансии для поддержания привычно высоких стандартов своего уровня жизни в условиях быстрого истощения собственных запасов природных ресурсов. **При этом важнейшим инструментом этой экспансии является рыночно-капиталистическая идеология, распространение которой в развивающихся и переходных странах равносильно их уничтожению (СССР) или неокolonизации (Россия) «просвещенным» Западом в полном соответствии с вышеизложенными правилами глобальной конкурентной борьбы.** И действительно, о каких рыночных отношениях может всерьез идти речь в условиях, когда, например, сегодня у нескольких участников «рынка» миллиарды и триллионы долларов (в придачу к авианосцам и крылатым ракетам), а у большинства – только обесценивающиеся национальные валюты и долги? Следовательно, в условиях, когда отдельные западные транснациональные корпорации (ТНК) и банки (ТНБ)

по своим финансовым возможностям в десятки раз превосходят ВВП абсолютного большинства стран мира, распространение рыночно-капиталистической идеологии в этих странах ведет их к неизбежной неокolonизации и порабощению «золотым миллиардом».

Таким образом, очевидно, что в полном соответствии с теорией рыночного капитализма кризис или даже крах одних участников глобального рынка вполне может стать источником обогащения других его субъектов. Иными словами, управляемый социально-экономический кризис в странах, избравших рыночный путь развития в условиях тотального господства в мировой экономике западных ТНК и ТНБ, может стать весьма и весьма эффективным бизнесом для стран «золотого миллиарда». Сегодня лидеры мировой экономики, действуя через щедро финансируемую ими «пятую колонну», так управляют рыночными реформами в переходных странах, что затяжные экономические кризисы последних превратились в обильные источники ресурсов для стран мировой экономической элиты. По оценкам специалистов, из одной только России в период ее активного «рыночного оздоровления» на Запад в форме прямого бегства капиталов, утечки мозгов, экспорта сырья и энергоресурсов по

явно заниженным ценам и т. п. было выведено не менее 800 млрд. USD, из которых 70% достались США.

Важно отметить, что глубина и масштабы рыночного разгрома некоторых национальных экономик впечатляющи. Вот только некоторые статистические итоги «рыночного оздоровления» подавляющего большинства стран СНГ: полутора–двукратный спад ВВП и особенно объемов промышленного производства; снижение в 2–11 раз наукоемкости ВВП; катастрофический износ производственных мощностей из-за 3–5-кратного сокращения объемов инвестирования в экономику и, как следствие, тенденция к ее деиндустриализации и примитивизации; падение в 2–3 раза реальных доходов и уровня жизни населения, его стремительная деградация; чудовищная, унижительная для человеческого достоинства экономическая дифференциация населения всех без исключения движущихся к рынку стран; снижение рождаемости, рост смертности и, как следствие, быстрая депопуляция населения некоторых переходных к рынку стран, прежде всего, восточнославянских – России, Беларуси и Украины; масштабное бегство за рубеж мозгов и капиталов на фоне возросшей в разы долговой кабалы перед западными странами; многократный (в десятки раз) рост уровня преступности, наркомании и терроризма; локальные, но весьма кровопролитные и затяжные вооруженные конфликты и т. д. Кстати, согласно сведениям, опубликованным Евразийским международным научно-аналитическим журналом (см.: «Проблемы современной экономики». – 2003. – №3/4. – С. 65), СССР по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) не намного уступал США – если в СССР его величина составляла 0,920 (26-е место в мире), то в США – 0,961 (19-е место). За годы «рыночного оздоровления» этот разрыв увеличился почти в

десять раз, поскольку нынешняя, ставшая рыночной Россия по ИРЧП занимает лишь 60-е место. И все это произошло на фоне беспрецедентного обогащения нескольких западных держав, в итоге превратившихся в новых планетарных гегемонов.

Кстати, в западных державах в последнее время даже и не скрывают истинного смысла рыночных реформ, инициированных ими в странах, еще совсем недавно составлявших «первому» миру достойную конкуренцию (например СССР объективно имел второй в мире ВВП и активно соперничал с самими США по ряду направлений науки и техники). В частности, характеризуя роль «просвещенного» Запада в организации управляемой извне экономической катастрофы своих в недалеком прошлом весьма могущественных конкурентов, лауреат Нобелевской премии американский профессор Дж. Тобин дипломатично, но, тем не менее, достаточно откровенно пишет, что «профессиональные западные советники по вопросам управления переходом посткоммунистических государств к рыночному капитализму – экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики – способствовали появлению ложных ожиданий... **Советы давались в одном направлении: демонтируйте инструменты контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте (методами либерального монетаризма – В. Б.) финансы, уберите с дороги правительства и наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла.** Оказалось, что все не так просто... Вера в оптимальность саморегулирующихся рыночных механизмов отличает структуры, которые развитый мир навязывает развивающимся странам и странам с переходной экономикой» (см.: «Белорусский экономический журнал». – 2003. – №1. – С. 95). Еще определеннее высказался высокопос-

тавленный американский политик Г. Киссинджер, заявив следующее: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство» (цит. по: Платонов О. А. Государственная измена. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – С. 434).

Во многих переходных странах сегодня также растет осознание того, что причиной управляемого экономического кризиса является принятая (разумеется, не без участия финансируемой Западом «пятой колонны») стратегия рыночных реформ, методологической основой которой послужил скудный и упрощенный теоретический багаж – неоклассическая экономическая теория (неоклассический, а теперь и неоинституциональный «мейнстрим»). Сегодня уже для многих вполне очевидно, что данный образец экономического знания, метко названный «примитивной шпаргалкой» (В. Леонтьев), «выкидываем экономической теории» (В. Ельмеев), «экономической теорией классной доски» (Р. Коуз), представляет собой вовсе не науку или образовательную дисциплину, а идеологию интернациональной олигархии, нацеленную на неокOLONИЗАЦИЮ всего мира.

Совершенно очевидно, что столь разновекторные, но однонаправленные (не в нашу пользу) «завоевания побеждающего рыночного капитализма» в переходных к нему странах (см. выше) должны иметь некую общую основу (базис, причину), которая может быть связана с факторами, способными оказывать определяющее негативное воздействие на все без исключения стороны человеческого бытия. И такой основой тотального системного кризиса может быть только одна влияющая на все сферы жизнедеятельности современного общества причина – **кредитно-денежная политика, ошибочная, а скорее всего сознательно враждебная интересам национальных**

Таблица

Коэффициент монетизации экономики России в период рыночных реформ

Годы	1991	1992	1995	1996	1999	2003	2004
Коэффициент монетизации, %	70,0	37,9	13,3	15,3	20,8	24,1	27,3

Источник: Россия державная: В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузевой, Е.С. Зотовой. – М.: Волгоград: Волгоградское книжное издательство, 2006. – С. 304.

экономик и народов, которые сегодня испытывают ее столь разрушительные последствия. Справедливость данного утверждения однозначно подтверждается, например, точкой зрения Дж. М. Кейнса, писавшего в своей книге «Экономические последствия Версальского договора»: **«Нет более точного и верного способа переворота существующих основ общества, нежели подрыв его денежной системы. Этот процесс пробуждает все разрушительные силы, скрытые в экономических законах, а сама болезнь протекает так, что диагноз не может поставить ни один из многих миллионов человек».**

Как известно, теоретической основой либерально-рыночных реформ в монетарной сфере большинства переходных к рынку стран до сих пор является праворадикальное направление неоклассического «мейнстрима» – монетаристская теория, до предела минимизирующая роль государства в экономике и сводящая ее к манипулированию денежной массой посредством регулирования эмиссии, налогов и процента. В связи с этим в данной статье хотелось бы проанализировать те катастрофические последствия, к которым неизбежно ведет регулирование экономики на основе монетаристской теории, рекомендованной в качестве теоретического базиса реформ нашими заокеанскими «друзьями» в рамках Вашингтонского консенсуса (1991).

Важной составной частью рекомендаций Вашингтонского консенсуса является требование неутомимой борьбы с главным «врагом народа» – инфляцией. Данное условие столь гипертрофировано, что на примере

некоторых стран (например России) складывается впечатление, будто не экономический рост и повышение благосостояния населения, а именно подавление инфляции любой ценой является целевым критерием развития национальной экономики. Поскольку согласно монетаристской теории государство в условиях либерально-рыночной экономики может пользоваться только монетарными факторами ее регулирования, то борьба с инфляцией, по замыслу западных идеологов наших рыночных реформ, неизбежно сведется к ограничению эмиссии и сжатию денежной массы. В итоге под теоретическим прикрытием либерального монетаризма и благовидным лозунгом борьбы с инфляцией в предназначенной «на заклятие» переходной экономике стараниями «пятой колонны» создается элементарный дефицит денег. Об усердии «пятой колонны» в этом деле красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что коэффициент монетизации (отношение количества денег в экономике – агрегата M2 к ВВП) в большинстве переходных экономик не только многократно ниже, чем в развитых или пользующихся благосклонностью мировой элиты развивающихся странах, но и в 2–5 раз меньше теоретически допустимого минимума (порога безопасности). Так, если оптимальным считается коэффициент монетизации экономики около 100%, а критическим – 30%, то в России, например, сегодня он заметно ниже критического, а в ключевые периоды рыночных реформ середины 90-х годов прошлого века он был более чем вдвое ниже порога безопасности (таб.). Для сравнения: в СССР он составлял 85%, в Англии он

соответствует 94%, Японии – более 100%, США – 110%, Италии и Германии – 57–62%, Китае – 150%.

Искусственно созданный дефицит денег в переходной к рынку стране целенаправленно приводит к ряду крайне негативных последствий, которые, тем не менее, оборачиваются колоссальным выигрышем для стран мировой экономической элиты и, прежде всего, мировой финансовой олигархии. Во-первых, банальный дефицит национальных денежных знаков неизбежно порождает евродолларизацию экономики, которая парализует способность правительства переходной к рынку страны реализовывать самостоятельную кредитно-денежную политику и тем самым подготавливает ее к внешнему управлению (неоколониализации). Масштабная евродолларизация страны означает, что ее население предоставило странам – эмитентам мировых денег беспроцентный товарный кредит и при этом ежегодно выплачивает им инфляционный налог (так называемый сеньораж) в размере 3–5% и более.

Во-вторых, как и любой другой дефицит, нехватка денег неизбежно порождает спекуляцию ими, сводящуюся к беспрецедентному росту стоимости кредитных ресурсов и снижению их доступности для реального сектора экономики. Иными словами, банковская система переходной к рынку страны, до предела взвинтив процентные ставки по кредитам, превращается в откровенно спекулятивный (транзакционный) сектор экономики, не стимулирующий, а тормозящий ее развитие. И действительно, в условиях, когда средний уровень рентабельности предприятий реального сектора

экономики в несколько раз ниже банковской процентной ставки, кредиты становятся недоступными для предприятий. В итоге реальный сектор экономики, не имея доступа к финансовым средствам для целей модернизации производства, теряет свою конкурентоспособность и разрушается, а национальные рынки неизбежно заполняются продукцией западных ТНК, расширяющих свой сбыт и увеличивающих экономическое могущество в рамках неокOLONиального проекта Запада.

Параллельно с этим уничтожение отечественных предприятий высвобождает сырьевые ресурсы для их масштабного экспорта на Запад, что вполне соответствует его целям. По этому поводу экономический советник английского парламента Д. Росс в своем докладе «Российская экономика в тупике» прямо указывал: «Необходимым механизмом для резкого увеличения экспорта энергоносителей и металлов являлся быстрый спад промышленного производства, поскольку иначе не освободилось бы сырье для экспорта» (см.: «Вопросы экономики». – 1995. – №3. – С. 18).

И еще одно очень важное обстоятельство. В условиях отсутствия финансовых средств у населения, предусмотрительно лишенного в 1991 г. даже своих мизерных накоплений за советский период, учредителями банковских организаций могли стать исключительно связанные с международной олигархией и профинансированные ею (назначенные) лица. Нередко имея двойное гражданство и связывая свое будущее с западными странами, такие учредители-«инвесторы» (проще говоря, «пятая колонна»), используя могучие рычаги банковской системы, по заданию своих хозяев организовали массовую «выкачку» финансовых ресурсов из предприятий и многострадального населения переходных к рынку стран и дальней-

шую «перекачку» в те державы, где по их плану они должны обеспечить себе безбедную старость, а также безоблачное детство своих детей и внуков. **«Беда в том, – характеризует данную проблему главный редактор российского журнала «Экономист» профессор П. Игнатовский, – что сегодня банковский кредит превращается в каналы выкачки средств из производства и их вывоза в зарубежные страны» (см.: «Экономист». – 2004. – №3. – С. 8).** Согласен с данной точкой зрения и другой крупный, уже белорусский, ученый профессор С. Пелих, считающий, что «...применив монетаристскую теорию, мы обескровили наших товаропроизводителей, изъяв у них оборотные средства и перекачав их в «локомотив экономики», которым якобы является банковский сектор» (см.: Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. V Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 окт. 2004 г.). В 5 т. Т. 1. – Мн.: НИЭИ Минэкономки Респ. Беларусь, 2004. – С. 362). Иными словами, создаваемая в реальном секторе добавленная стоимость будет целенаправленно трансформироваться в прибыль «локомотивов экономики», а затем эшелонами поедет на Запад для приобретения футбольных клубов, яхт, персональных авиалайнеров, замков и прочих баснословно дорогих приобретений, что, впрочем, уже давно наблюдается в некоторых переходных странах. Таким образом, реализация монетаристской теории в переходных к рынку странах обеспечивает Западу идеальные условия для захвата их национальных рынков, а также для «выкачивания» из них сырья, капиталов, мозгов...

В-третьих, *искусственное сжатие денежной массы существенно снижает инновационную активность* как отечественных предприятий, так и национальной экономики в целом. Об об-

вальном снижении наукоемкости ВВП стран СНГ, рыночном разгроме их научно-технической и инновационной сферы, закономерном вытеснении наших стран с рынков высокотехнологичной и наукоемкой продукции мы уже подробно писали на страницах журнала (см. «Финансы, учет, аудит». – 2005. – №10. – С. 19–23). Дело в том, что в условиях физического дефицита финансовых средств согласно общеизвестной формуле количественной теории денег функционирование экономики возможно лишь за счет увеличения скорости их обращения. Иными словами, денежная масса в условиях ее дефицита «выдавливается» в те сферы национальной экономики, которые характеризуются высокой оборачиваемостью денежных ресурсов. Не секрет, что наивысшая оборачиваемость финансового капитала, достигающая 10–20 оборотов в год, наблюдается в спекулятивной сфере «купи-продай», а наименьшая – 1 оборот за 5–10 лет – в инновационном секторе экономики, связанном с осуществлением долгосрочных НИР и НИОКР, их внедрением в производство в виде инноваций. **В итоге «выдавливание» искусственно ограниченной денежной массы в те сферы, где их оборачиваемость максимальна, приводит к катастрофической нехватке ресурсов в инновационном секторе экономики, что резко снижает инновационную активность экономических систем всех уровней.**

Кроме того, от нехватки средств задыхается и реальный сектор экономики, где оборачиваемость финансовых ресурсов также в несколько раз ниже, нежели в спекулятивном секторе экономики. В конечном счете инновационный и реальный секторы экономики быстро теряют свою конкурентоспособность, разрушаются, а стимулированный притоком денег бизнес «купи-продай» заполняет отечественные рынки западным ширпотре-

бом и пищевыми суррогатами типа «ножек Буша». О масштабах проблем данного вида свидетельствуют сведения о том, что в России, по официальным данным, 98% банковских капиталов вкладывается не в промышленность, а в краткосрочные торговые кредиты, чаще всего на срок лишь до месяца (см.: Платонов О. А. Государственная измена. – М.: Алгоритм, 2005. – С. 460). **При этом упование на иностранные инвестиции настолько наивно, насколько и бесполезно, потому что если они и придут (что весьма сомнительно), то лишь в те же сферы с быстрой окупаемостью или же в сырьевой сектор.** Напомним, что в соответствии с вышеизложенными принципами глобальной конкуренции в планы Запада входит захват рынков сбыта и доступ к источникам сырья переходных стран, а отнюдь не оказание помощи своим конкурентам в организации их научно-технологического и инновационного прорыва.

В-четвертых, *искусственный дефицит денег неизбежно порождает кризис неплатежей и нескончаемую череду банкротств.* Не из-за низкой эффективности работы, а по причине элементарной физической нехватки денежной массы банкротятся тысячи рентабельных предприятий, поскольку из-за взаимных неплатежей им нечем платить зарплату, осуществлять платежи за взятые кредиты, потребленные ресурсы, энергию, тепло... Вереница банкротств связана не просто с уничтожением многих предприятий, теоретически способных оказать конкуренцию западным ТНК, но и с очередным полукриминальным переделом собственности. Действительно, предприятие-банкрот стоит в десятки раз дешевле, чем эффективно работающий объект, и потому его можно по дешевке купить, а если надо, то и остановить. Разумеется, покупателями таких «кризисных» объектов опять-

таки станут назначенные мировой финансовой олигархией национальные «инвесторы», которые будут запрограммированы на разрушение промышленного потенциала стран-конкурентов, на вывоз сырья, на выкачку из страны финансов через зарубежные оффшоры и т. д. При кажущейся, на первый взгляд, гипотетичности описанной ситуации в России во время действия Закона о банкротстве образца 1998 г. (кстати, названного специалистами журнала «Эксперт» самым взяткомким законом за всю историю этой страны) до 80% банкротств носили заказной, полукриминальный характер. По свидетельству некоторых российских и даже американских специалистов, на эти цели, а также для прямой финансовой подпитки криминала, американское правительство только в 1994–1996 гг. официально санкционировало отправку в Россию не менее 40 млрд. USD, что заметно превысило стоимость всех российских рублей, находившихся в обращении (см.: Платонов О. А. Государственная измена. – М.: Алгоритм, 2005. – С. 445–448).

Наряду с недопустимо низким коэффициентом монетизации экономики другим крайне негативным аспектом функционирования монетарной сферы переходных к рынку стран является искусственно заниженный курс национальной валюты по отношению к мировым валютам. В частности, очень многие специалисты убеждены, что в процессе действия стихийных рыночных сил курсы национальных валют целого ряда стран СНГ оказались *искусственно заниженными по отношению к доллару.* Например, по мнению академика РАН В. Мавевского, «в настоящее время рыночный курс российского рубля недооценен относительно паритета покупательной способности примерно в 3 раза» (см.: «Экономист». – 2004. – №4. – С. 6), а по мнению некоторых

других ученых, этот курс занижен вообще в 4–5 раз. Сложилась драматичная ситуация, точь-в-точь, как в одном известном литературном произведении: «... западный человек сразу решил: теперь самое время объявить цену рублю – двугривенный» (М. Салтыков-Щедрин, «За рубежом»).

Восстановлению реального курса национальной валюты активно препятствует очередная рыночная мифология о том, что повышение курса национальной валюты ведет к ослаблению конкурентоспособности экспортеров отечественной продукции на зарубежных рынках. **Этот расхожий миф, авторами которого, вероятно, являются Всемирный банк, МВФ, ВТО и другие подобные структуры, бдительно охраняющие интересы исключительно стран «золотого миллиарда», активно тиражируется «пятой колонной» во всех переходных к рынку странах.** На деле же в условиях несравненно более низкой заработной платы населения переходных к рынку стран и его столь же низкого платежеспособного спроса стоимость входящего в состав конечной продукции сырья, цена на которое в условиях глобального либерализма уже давно стала мировой, превосходит ту цену, по которой эту продукцию возможно продать внутри страны. В итоге отечественный товаропроизводитель становится нерентабельным, банкротится, а потреблявшееся ранее им сырье масштабно сбывается на Запад. Низкий платежеспособный спрос населения, например, на металлическую кастрюлю обеспечивает столь же низкую цену последней на внутреннем рынке. Поскольку населению не нужен металл как таковой, то в условиях активно навязываемой Вашингтонским консенсусом открытости экономики спрос на него определяется западными ТНК, и потому внутренняя цена на сырье приближается к мировой. В итоге стоимость входящего в состав кастрюли одного

только металла превышает цену, по которой ее могут купить отечественные потребители. Производство кастрюли делается нерентабельным, оно закрывается, а сам металл благополучно экспортируется на Запад. Следовательно, заниженный «пятой колонной» по заданию своих западных хозяев курс национальной валюты уничтожает отечественное производство, ведет к деиндустриализации и примитивизации экономики, надежно приковывает население переходной страны к «сырьевой тачке» в полном соответствии с целями Запада.

Несмотря на то что в Беларуси «невидимой руке» рынка, бдительно охраняющей интересы крупного (значит, западного) капитала, не было дозволено вытеснить из сферы управления экономикой «зримую руку» Президента, реализующую интересы белорусского народа, в монетарной сфере страны также наблюдаются негативные тенденции. Например, известный белорусский экономист профессор С. Пелих указывает на то, что «курс нашего рубля к доллару более чем в 3 раза ниже паритета покупательной способности, что свидетельствует о неэквивалентном обмене наших товаров и услуг и громадных потерях для экономики страны. Чиновники, ссылаясь на союзные договоренности с Россией, объясняют такой курс привязкой к российскому рублю, который тоже в 5 раз ниже паритета покупательной способности... Такая жесткая привязка валютного курса к России законсервировала наше промышленное производство, которое неуклонно теряет свои позиции на международной арене» (см.: «Белорусский экономический журнал». – 2004. – №3. – С. 124–126).

С другой стороны, по информации директора НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь С. Полоника, при оптимальном значении коэффициента монетизации 60–100%, порогом – не менее 50% и кризисом –

не менее 30% его реальное значение в нашей стране в 2003 г. составляло лишь 9,5% (см.: **Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. V Международ. науч. конф. (г. Минск, 21–22 окт. 2004 г.). В 5 т. Т. 1. – Мн.: НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь, 2004. – С. 60–63). На недопустимость этого постоянно указывает и профессор С. Пелих.**

К счастью белорусов, «зримая рука» Президента, используя планово-административный ресурс, исправляет ошибки (хочется верить, непреднамеренные) наших чиновников. Поэтому реальный сектор белорусской экономики, несмотря ни на что, получает необходимые ресурсы на простое и расширенное воспроизводство в отличие от других стран, беспрекословно реализующих догматы рыночного либерализма. Россия, например, получив в 2003 г. столь желанный статус страны с рыночной экономикой, практически наполовину уничтожила свое сельское хозяйство и промышленность. Это означает, что Республика Беларусь *не благодаря рыночному механизму, а вопреки ему*, в отличие от других переходных стран демонстрирует устойчивое экономическое развитие в весьма непростых условиях острого дефицита собственных природных ресурсов и беспрецедентного давления извне. Следовательно, «светила» белорусской экономической науки, по-прежнему ориентированные в своих научных изысканиях, по большому счету, на рыночный «мейнстрим» (для специалистов это очевидно), к сожалению, до сих пор не создали стройной экономической теории, которая отвечала бы реалиям белорусской действительности и адекватно описывала бы причины экономического роста в стране.

Кстати, в ноябре 2005 г. накануне выборов Президента Республики Бела-

русью Всемирный банк опубликовал доклад, посвященный настойчивому поиску «загадочных» причин экономического роста в «нерыночной» Беларуси, причем этот рост прямо был назван в документе «интеллектуальным вызовом Западу». Эксперты Всемирного банка были вынуждены констатировать: «Опыт Белоруссии явно противоречит стандартной парадигме реформ, и относительная стабильность белорусской экономики была названа даже «загадкой... В Белоруссии девять лет подряд происходит экономический рост, обеспечено впечатляющее сокращение уровня бедности, подкрепленное быстрым ростом реальной заработной платы и пенсий, а также низким уровнем безработицы. В то же время рост идет без опоры на здоровую и последовательную макроэкономическую политику, продвинутые рыночные реформы и экспансию частного сектора» (См.: Document of the World Bank. Report No. 32346-BY. Belarus: Window of Opportunity to Enhance Competitiveness and Sustain Economic Growth. A Country Economic Memorandum for the Republic of Belarus. MAIN REPORT. November 8, 2005. P. 8–9). Очевидно, по убеждениям западных экспертов, экономическая политика, на практике обеспечивающая устойчивый экономический рост в переходных странах, никак не может быть здоровой, ибо не отвечает целям Запада по ослаблению (уничтожению) своих возможных конкурентов. **Все это означает, что научная общественность нашей страны просто обязана помочь нашим западным «друзьям» разгадать эту «загадку века» и создать стройную экономическую теорию социально ориентированной плановой экономики, которая, став основой экономического роста Беларуси, могла бы послужить теоретическим базисом модели устойчивого развития стран Союзного государства, ЕвразЭС и СНГ. ■**

Раздел подготовил О. АНАНИЧ.